

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ

В статье раскрывается исследовательский потенциал политической экономии в контексте проявления феноменов глобализации и экономической процессуальности. С позиций ценностной методологии выявлена природа социально-экономического института как предмета институциональной теории в широком смысле.

Ключевые слова: *экономическая инверсия, процессуальность, глобализация, социально-экономический институт, политическая экономия, институциональная теория в широком смысле.*

Постановка проблемы. На рубеже веков и тысячелетий два мощных трансформационных процесса изменили облик глобализирующегося общественного хозяйства. С одной стороны, кризис и распад системы традиционного социализма обусловили формирование переходной экономики инверсионного типа, с другой – рыночно зрелые страны вступили в стадию перехода к постиндустриальному обществу. И процессы рыночной трансформации, и феномены глобализации и постиндустриализации осознаны мировой общественной мыслью, однако их истинная суть и механизмы развертывания остаются неясными. Это обуславливает нарастание хаоса и неопределенности хозяйственной жизнедеятельности, усугубляет болевые шок от институциональных сдвигов и разломов и не позволяет человечеству достойно ответить на глобальные вызовы бытия. Подтверждением сказанного является парадоксальность в осмыслении механизмов развертывания глобального финансово-экономического кризиса и последствий его преодоления.

Сегодня издержки, связанные с кризисом, несут миллионы людей; острый социальный кризис, как и прежде, является реальностью во многих странах мира; мы по-прежнему находимся в ситуации, отличающейся крайней нестабильностью и чреватой новыми опасностями [1, с. 7], отмечается в Докладе Генерального директора Международного бюро труда: «Нас уверяют, что финансовая система по-прежнему хрупка и нуждается в политике «дешевых» денег; однако прибыли и премиальные выплаты в финансовом секторе вернулись к докризисному уровню, тогда как режим строгой экономии все более отравляет жизнь миллионов людей, зарабатывающих средства к существованию в реальной экономике. Между тем плохо регулируемые финансовые рынки являются одной из главных причин неэффективного экономического роста. Финансовый сектор зажал в тиски реальную экономику; получаемая им прибыль за последние двадцать лет в развитых странах выросла с 25 до 42%. По сути, он изменил роль посредника, обслуживающего потребности реальной экономики, и превратился в самостоятельную экономическую силу, прокладывающую собственные пути развития» [1, с. 3, 46].

Следует отметить, что парадоксальность развития финансового сектора, равно как и многих других феноменов нынешней хозяйственной жизни, характеризует не столько состояние реальных объектов, сколько недостаточную научную рефлексию тех законов, которые стоят за воспринимаемой внешне неопределенностью и дезорганизацией. Следовательно, проблема заключается в отыскании адекватной методологии исследования хозяйственной глобализации и процессуальности. На роль источника истины в этом отношении претендуют сегодня теория систем, синергетика, философия постмодерна, математическая логика, цивилизационный подход в истории, социология постиндустриальной волны, термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций, экологическая экономика, биоэтика, различные институциональные подходы и т. д. Вместе с тем основу трансформационных процессов мирового хозяйства составляют изменения в экономическом базисе и надстройке, а ядро хозяйственной глобализации образует глобализация экономическая. Это с необходимостью выдвигает на роль методологического лидера экономическую теорию.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы методологии экономических исследований, прояснения предмета и метода политической экономии как методологической сердцевины экономической науки традиционно являются объектом широких дискуссий специалистов. Сегодня эти дискуссии значительно активизировались; к участию в них приобщается все большее число ведущих ученых постсоветского пространства – О. Аналин [2], О. Антипина [3], А. Бузгалин [4], М. Воейков [5], В. Геєц [6], Г. Гловели [7], Р. Гринберг [8], А. Гриценко [6], В. Дементьев [9], М. Зверяков [10], В. Иноземцев [11], А. Колганов [4], О. Мамедов [12], А. Московский [13], Р. Нуреев [14], Б. Плышевский [15], А. Пороховский [16], В. Радаев [17], В. Рязанов [18], А. Рубинштейн [8], В. Тарасевич [19], В. Хубиев [20], В. Черковец [21], О. Яременко [22] и многие другие. Обмен мнениями касается значительного круга методологической проблематики и междисциплинарных взаимодействий, но взаимоотношения между политической экономией и институциональной экономикой даже в такой полифонии выделяются особой колоратурой и силой звучания.

Целью статьи является прояснение ценностных оснований органической взаимосвязи институциональной и политико-экономической исследовательских программ.

Результаты исследования. «Институционализм образует переходное звено и общую предпосылку изучения экономических процессов и явлений, опосредует переходы как от одной исторической системы экономических отношений к другой, так и от общих и глобальных проблем к частным и локальным, – пишет А. Гриценко. – Этот переход включается в саму ткань исследования, которое таким образом, не теряя политэкономический, приобретает еще и институциональный характер. По существу, такая наука представляет собой институциональную политическую экономию и реализуется в формах глобальной и локальной политэкономии» [23, с. 18]. «Методология институциональной политической экономии дает новые возможности для осмысления современных нестандартных ситуаций как в глобальном, так и в локальных экономических пространствах, – заключает автор. – Вместе с тем она через институциональные условия, впитывающее в себя влияние смежных неэкономических факторов (природы, техники и технологий, исторических тенденций, национального менталитета и т.д.), обеспечивает актуальную междисциплинарную сопряженность политической экономии с другими отраслями знания» [23, с. 20]. Приведенные рассуждения представляются нам весьма плодотворными с точки зрения творческого развития учения о предмете и методе экономической науки. Между тем открытым остается вопрос о родстве политической экономии и институциональной экономики, о возможности органической ассимиляции в предметном пространстве политической экономии «смежных неэкономических факторов». Открытость указанного вопроса заставляет обратиться к прояснению природы экономического института, что составляет предмет настоящей статьи.

Известно, что в традиционной институциональной экономике отсутствует единство мнений относительно границ институционализма как научного направления, сути исследуемых в его пределах взаимосвязей, является ли он теорией экономических организаций, экономического порядка, правил, экономической власти, организации и контроля в экономике в целом и пр. Отсутствие дисциплинарной матрицы и неопределенность парадигмы институциональной экономики имеет в своей основе отсутствие ясности и в содержании понятия «институт» как ее базового концепта, отмечает В. Дементьев [9, с. 75]. На чрезвычайную широту и размытость указанного понятия неоднократно обращалось внимание в научной литературе, проблема четкого обозначения предметного поля институциональной науки сегодня сохраняет свою актуальность. Это, однако, не является существенным препятствием для укрепления всеобщей убежденности в теоретической актуальности и практической значимости институционального анализа экономики.

Такая убежденность обусловлена тем, что институционализм исходно выступил оппонентом господствующей в Западном мире (а сегодня все более – и на глобальном научном пространстве) традиционной неоклассической парадигме рыночной экономики, претендующей «на способность точно описать поведение индивидов, совершающих любой выбор в любой ситуации с ограниченными ресурсами» [24, с. 19]. Критическое противостояние неоклассической теории со стороны всех ветвей институционализма основывается на обличении нерелистичности ее модели рынка, опирающейся на стандарты полноты информации, совершен-

ной конкуренции, целерациональности, утилитаризма, эмпатии, доверия и интерпретативной рациональности [24]. Указанные стандарты приобретают значение экономических параметров равновесного функционирования и устойчивого развития хозяйственной системы общества, абсорбируясь ценой как главным носителем информации в условиях рынка. Следовательно, острое критики исходно было направлено на содержание цены и мыслилось как выявление ее несостоятельности абсорбировать экономическую информацию во всей полноте.

Формально такая критика является правомерной. Так, на рубеже XIX–XX вв., когда институциональное направление общественной мысли заявило о себе в полную силу, влиятельными экономическими субъектами становятся крупные предприятия (корпорации) и государство, что обуславливает модификацию модели экономического поведения: стандарт «ценополучателей» замещается стандартом «ценоискателей». В результате изменяются и основания общего экономического равновесия хозяйственной системы; описывающая же их вальрасианская модель формально «обесценивается», хотя по-прежнему остается господствующей в неоклассической модели. Со второй половины XX века система традиционной неоклассики трансформируется в модель неоклассического синтеза, где вместо «примирения» неоклассических постулатов и кейнсианства обнаружили себя коренные противоречия между микро- и макроуровнями экономического анализа. Следствием этого становится постепенное «расхождение» стыков теоретической модели равновесного функционирования и устойчивого развития системы хозяйствования, что на практике оборачивается нарастанием экономической процессуальности. Ее критический рубеж был преодолен развитыми странами к концу XX в. в ходе неоллиберальной революции, переросшей, по меткому выражению Дж. Стиглица, в «революцию девяностых» и подготовившей почву для развертывания глобального финансово-экономического кризиса.

С учетом сказанного, институциональная критика неоклассической ортодоксии выглядит вполне актуальной и убедительной, а институциональные подпорки к модели рыночных ценовых механизмов – весьма своевременными, что было признано и на официальном уровне посредством присвоения Нобелевских премий за институциональные исследования рынков ряду выдающихся ученых, начиная с Р. Коуза. Однако критика традиционным институционализмом неоклассической ортодоксии имеет свои пределы. Действительно, девальвация ценностных оснований экономического анализа в значительной мере подорвала исследовательскую потенцию теории неоклассического синтеза в целом. Но если «традиционная неоклассика была теорией без институтов» [24, с. 5], то ее институциональные подпорки, которые внешне выглядят тяжеловесными, на поверку оказываются пустотелыми разнородными неупорядоченными конструктами, лишенными ценностной (стоимостной) основы, а вместе с тем и «чувства» гармонии.

Отсутствие ценностной сердцевины делает институционализм «слепым»: он не опознает собственного предмета, а значит, не видит путей построения общества, приемлемого для жизни, мозаически запечатленного в трудах Т. Веблена, Дж. Гэлбрейта, К. Маркса, Ф. Энгельса и других авторов. Традиционный институционализм, разбивая свои станы вне поля ценностного анализа, обрекает себя на методологическое бесплодие, становится дисфункциональным – неспособным (при всем богатстве наработанного им инструментария) деятельно преобразовывать мир посредством экономических гармоний. Исключение составляет неoinституционализм (по мнению специалистов, и новая институциональная экономика [24, с. 27]), который опирается на ценностную платформу неоклассики. Однако это не спасает его, ибо такая платформа, вследствие ценностной дезориентации (однобокости), отличается пагубной неустойчивостью, давая повод для критики и неприязни в пределах «родства». Между тем независимо от того, как относятся экономист-исследователь и экономист практикующий к цене и ценностным основаниям системы общественного хозяйствования, последние не утрачивают своей истинной природы.

Так, цена, по своей природе, исходно является основополагающим экономическим институтом, системообразующим и одухотворяющим бытие общественного хозяйствования, содержащим все его в себе, как в капле воды, и одновременно содержащимся во всем богатстве многообразия его социально-экономических трансформ. Однако ни одна из влиятельных ветвей современной экономической теории не опознает цену как институт. Марксизм трактует ее

как простую (а в конечном итоге – пустую, «бессодержательную») превращенную экономическую форму [25, с. 5–6]; неоклассическая ортодоксия отождествляет с ней систему субъективных оценок полезности и производительности благ, объективированных количеством денег (или других товаров и услуг), уплачиваемых и получаемых за единицу товара или услуги [26, с. 399]; институционализм, как говорилось, в значительной мере есть «теория без цены», по-сему и определений цены, как правило, не дает [24, 27 и др.]. Но именно сложившееся, преимущественно инструментальное, отношение к цене формирует пределы познавательного, методологического и миропреобразующего потенциала каждого из указанных влиятельных научных направлений, исключает возможность конструктивного (некритического) диалога между ними, продуцирует общий кризис экономической теории, а вместе с тем и практики общественного хозяйствования.

Преодоление кризиса и обновление экономической парадигмы неразрывно связано с формированием новой теории экономической ценности как соответствующего научного метода, позволяющего, с одной стороны, осуществить ревизию накопившихся ценностных подходов, а с другой – наиболее полно отразить их достижения и наработки [28]. Реализовать подобный проект возможно лишь в рамках институциональной экономической теории, которая по своей природе и есть политическая экономия. Для того, чтобы опознать политическую экономию как институциональную экономическую теорию, важно выявить ее истинный предмет исследования, а именно, нормальные условия и результат коллективной жизнедеятельности социума на различных уровнях хозяйствования (от нано- до глобального), как экономическое благо (экономическую ценность). Такой подход не отрицает богатства теоретических наработок и инструментария традиционного институционализма, но подводит под базовые элементы институциональной теории ценностные основания, трансформируя внешние предписания должного нормального социально-экономического поведения индивида в его внутреннюю самоограничительную потребность. Это позволяет преодолеть методологическое бесплодие и практическую дисфункциональность традиционного институционализма. Одновременно политическая экономия через органическое восприятие (ассимиляцию) формально внешних («неэкономических») институциональных факторов нормальной общественной жизнедеятельности как атрибута собственного предмета сбрасывает покров традиционности, обретает статус трансцендентной позитивно релятивистской науки, способной сформировать основы единой институциональной картины мира.

Если определить социально-экономический институт как генетическую единицу (образование) хозяйственного универсума, функционирующую по законам экономической эффективности и социальной справедливости, способную эффективно синтезировать, хранить и транслировать социально-экономическую информацию, то основополагающим институтом системы общественного хозяйства будет являться институт экономической ценности (экономического блага). Последнюю можно рассматривать в узком и широком смысле. Так, экономическая ценность в узком смысле – это институт цены, отображающий единство предельной полезности и стоимости в условиях экономического выбора, который реализуется в простейшем экономическом отношении x экономического блага $A = y$ экономического блага B . Экономическая ценность в широком смысле есть генетическая конституция (генотип) социально-экономической системы – ценностный механизм, обеспечивающий преемственность ее равновесного функционирования и устойчивого развития посредством воспроизводства и реализации единой «записи» экономической информации на микро- и макроуровнях хозяйствования.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Цена (экономическая ценность) как основополагающий экономический институт имеет трансцендентный характер. В самом первом, доступном для восприятия, виде она предстает как денежное выражение экономической ценности, и в этой форме как бы предлагает субъектам хозяйствования вступить в экономические отношения, заключить сделку, осуществить индивидуальный выбор. Выбор этот оказывается, однако, лишь элементом общественного выбора и в скрытом виде содержит в себе выбор всех субъектов хозяйствования на всех уровнях. Более того, он содержит в себе, в своей генетической памяти все историческое наследие прошлого выбора, а в ценностных ожиданиях – все многообразие вариантов будущего выбора. Ценностное основание выбора в конечном итоге выводит его за пределы экономического, за пределы бытия сущего и нацеливает

на высшее Благо, высший Выбор, выбор духовный, а вместе с тем закладывает основы политической экономии как институциональной экономической теории в широком смысле. Ее методологически живительное русло заступает место искусственно сформированного неоклассической ортодоксией бесплодного русла мейнстрима. Перспективы дальнейших исследований непосредственно связаны с развитием институционализма в широком смысле как классического направления в экономической науке.

Список использованной литературы

1. Новая эра социальной справедливости: доклад Генерального директора Международного бюро труда на 100-й сессии Международной конференции труда. – Женева: Международное бюро труда, 2011.
2. Ананьин О. Экономика: наука и/или искусство? / О. Ананьин // Вопросы экономики. – 2007. – № 11.
3. Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований / О. Антипина // Вопросы экономики. – 2012. – № 2. – С. 94–107.
4. Бузгалин А.В. // Пределы капитализма: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М.: «Культурная революция», 2009.
5. Воейков М.И. Политическая экономия как самосознание буржуазного общества / М.И. Воейков // Горизонты экономики. – 2012. – № 2. – С. 23–38.
6. Геєць В. Економіка і суспільство: непізнані грані взаємовпливу (роздуми над прочитаним) / В. Геєць, А. Гриценко // Економіка України. – 2012. – № 3. – С. 4–24.
7. Гловели Г. Политическая экономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма / Г. Гловели // Вопросы экономики. – 2012. – № 10. – С. 113–134.
8. Гринберг Р. Экономическая социодинамика: политэкономический взгляд / Р. Гринберг, А. Рубинштейн // Горизонты экономики. – 2012. – № 2. – С. 39–44.
9. Дементьев В.В. Что мы исследуем, когда исследуем институты? / В.В. Дементьев // Экономическая теория. – 2009. – № 3. – С. 75–92.
10. Зверяков М. Ліберальна ідея і модернізація економіки України / М. Зверяков // Економіка України. – 2010. – № 7. – С. 11–21.
11. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире / В.Л. Иноземцев. – М.: Academia, Наука, 1998.
12. Мамедов О.Ю. Между псевдопрагматикой и лжетеорией (смутная пора отечественной экономической науки) / О.Ю. Мамедов // Горизонты экономики. – 2012. – № 2. – С. 58–71.
13. Московский А. Смысл дискуссий о современных изменениях в экономической науке (о книге «Истоки: Из опыта изучения экономики как структуры и процесса») / А. Московский // Вопросы экономики. – 2008. – № 1.
14. Нуреев Р. Предпосылка новой экономической парадигмы: онтология и гносеология / Р. Нуреев // Вопросы экономики. – 1993. – № 4. – С. 131–144.
15. Плышевский Б. Мифотворчество в экономике: объективные и субъективные причины / Б. Плышевский // Экономист. – 2012. – № 2. – С. 53–63.
16. Пороховский А. Политическая экономия – основа и стержень экономической теории / А. Пороховский // Экономист. – 2012. – № 1. – С. 61–73.
17. Радаев В.В. Современные экономико-социологические концепции рынка / В.В. Радаев // Теория рынков в социологии: сб. науч. ст.; отв. ред. серии В.В. Радаев. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – Вып. 1.
18. Рязанов В.Т. Политическая экономия: из прошлого в будущее / В.Т. Рязанов // Горизонты экономики. – 2012. – № 2. – С. 81–98.
19. Тарасевич В.Н. Политическая экономия: имя собственное, широкий смысл и предметное пространство / В.Н. Тарасевич // Экономическая теория. – 2012. – № 1. – С. 21–34.
20. Хубиев К. Инновационная экономика и генезис новых отношений / К. Хубиев // Экономист. – 2012. – № 3.

21. Черковец В. Первый элемент системы экономических наук (еще раз по поводу 200-летия преподавания в России политической экономии и к оценке новейших дебатов о ее современной роли в вузовском статусе) / В. Черковец // Российский экономический журнал. – 2005. – № 3, 4, 5–6.
22. Яременко О.Л. Либерализм. Экономическая свобода и государство / О.Л. Яременко // Экономика Украины. – 2010. – № 12.
23. Гриценко А.А. Политическая экономия: актуализация проблематики, методологический потенциал и сопряженность с институционализмом / А.А. Гриценко // Экономическая теория. – 2012. – № 1. – С. 5–20.
24. Олейник А.Н. Институциональная экономика: учеб. пособие / А.Н. Олейник. – М.: ИНФРА-М, 2000.
25. Маркс К. Капитал. – Т.1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – Т. 23.
26. Макконнелл К.Р. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2-х тт.: пер. с англ. – Т. 2 / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. – М.: Республика, 1992.
27. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: учебник / под общ. ред. А.А. Аузана. – М.: ИНФРА-М, 2006.
28. Артемова Т.И. Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования / Т.И. Артемова. – К.: Основа, 2006.

У статті розкривається дослідницький потенціал політичної економії у контексті з'ясування феноменів глобалізації та економічної процесуальності. З позицій ціннісної методології виявлено природу соціально-економічного інституту як предмета інституціональної теорії у широкому розумінні.

Ключові слова: економічна інверсія, процесуальність, глобалізація, соціально-економічний інститут, політична економія, інституціональна теорія у широкому розумінні.

Research reveals the potential of political economy in the context of clarifying the phenomena of globalization and economic processuality. From the standpoint of the value methodology the nature of the socio-economic institution as a matter of institutional theory in the broadest sense revealed.

Key words: economic inversion, processual, globalization, socio – economic institution, political economy, institutional theory in the broad sense.

Надійшло до редакції 12.06.2012.